

Город и миф – миф о городе

В XX веке возрождается интерес к мифологии, в том числе и к мифологии города. Мифология города многогранна и динамична. Предметом данной статьи являются смыслы и факторы, формирующие миф о городе, такие как мифы о происхождении, развитии, гибели городов; расположение города (ландшафт, стороны света); гендерная амбивалентность городов и т. д. В работе дается характеристика этих смыслов и факторов, а также приводится их классификация.

Ключевые слова: город; миф; мифология; городской миф; текст.

Начиная со второй половины двадцатого века, исследованиями города занимаются многие науки, в том числе культурология и философия культуры. Ведущие исследователи как в России, так и за рубежом выбирают объектом изучения город – это и Кевин Линч [10], рассматривавший город как с архитектурной, так и с философской точки зрения, и Вальтер Беньямин [3; 4], которого интересовали знаки и символы города, его практики, структура, эмоции, которые он вызывает, и Галина Горнова [7], и Елена Трубина [19], чьи работы посвящены городу современному, но с опорой на работы предшественников. Несмотря на то что о городе уже написано много разных статей и монографий, исследования города сохраняют свою актуальность. Существует множество аспектов, нуждающихся в более пристальном изучении, например представление о городе, его образ. Представление о городе формируется исходя из множества разных факторов: архитектуры города, городской символики, городских легенд и баек, мнений и ощущений людей, в этом городе живущих, а также гостей этого города. Образ города живет в восприятии его обитателей, литературных произведениях и городских мифах. Сложный образ города варьируется у разных людей и в разные исторические периоды, но ядро представлений о городе, как правило, универсально.

Предметом данной статьи является мифологическое представление о городе. Восприятие города как мифологической среды во многом связано с оживлением городского пространства и наделением его антропоморфными чертами. Город обрывает новыми смыслами всё больше и больше, однако старые смыслы тоже никуда не уходят, напротив, новое и старое взаимодополняют друг друга, формируя слои в сложном представлении о городе. В данном исследовании предлагается рассмотреть некоторые универсальные мифологические представления о городе и дать их классификацию.

Миф – чувственно-образная форма постижения реальности. Миф строится на основе логики воображения, но воображаемое не отделяется от действительности – они две части единого целого. Миф рождается из вымысла, однако миф – не легенда и не сказка, не иллюзия, в нем объединены художественное сознание и повседневная жизнь. Легенда и сказка – превращенные формы мифа. Миф – это, прежде всего, предание, сказание о героях и богах, о том, как формируется мир, его элементы, детали и то, что в нем происходит. Через миф человек осознавал, анализировал, трактовал окружающий его мир, упорядочивая и структурируя его. Действительность неотделима от мифа, а миф – от действительности. Но миф не просто что-то воплощенное только лишь в слове, он получает свое подкрепление

* Мария Алексеевна Калистратова, аспирант 1-го курса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург). Научный руководитель: Л. А. Мясникова, д-р филос. наук, профессор.
E-mail: scared.mary@gmail.com

и в действии, через ритуалы, обряды, магические практики, обеспечивающие сохранение мирового порядка: «Ритуалы обеспечивают их [мифического времени и мифических героев] “вечное возвращение” и магическое влияние, гарантирующее непрерывность природных и жизненных циклов, сохранение некогда установленного порядка» [15, с. 635]. Природа мифа синкретична, миф включал в себя элементы, «зародыши» [15, с. 635], как их называет Е. М. Мелетинский, религии, философии, науки, искусства. Кроме того, в мифе были отражены действующие, актуальные нормы поведения и ценности. Миф помогал человеку понимать, что всё в мире, включая его самого, есть звенья одной неразрывной цепи, где каждое звено, имея свое фиксированное место, соединено с другим, и это единство и взаимодействие – суть мирового порядка.

Понятие мифа и его суть переосмысливались на протяжении всей истории человечества – миф воспринимался и как аксиома, и как заблуждение, он романтизировался и схематизировался, был частью мироустройства и способом идеологического воздействия, рационализировался и, напротив, апеллировал к бессознательному. Е. М. Мелетинский говорит о том, что с того момента, как миф начинает осмысляться, история делится на два периода: период «демифологизации» (примерно с Античности (начиная с Аристотеля) и до XIX века) и период «ремифологизации» (с XIX века до наших дней). Безусловно, эти периоды неоднородны, и каждая эпоха, каждое новое поколение приносило свои смыслы в толкование мифа, формируя новые концепции и теории.

Так, например, А. Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» пишет, что мифологизируются любые вещи и явления, если они приобретают живой смысл взаимодействия: «...даже всякая неодушевленная вещь или явление, если их брать как предметы не абстрактно-изолированные, но как предметы живого человеческого опыта, *обязательно суть мифы*. Все вещи нашего обыденного опыта – мифичны; и от того, что обычно называют мифом, они отличаются, может быть, только несколько меньшей яркостью и меньшим интересом» [11, с. 102]. Из утверждения Лосева можно сделать, как минимум, два вывода. Во-первых, человек, осознавая, осмысляя и описывая свою реальность, создает миф. А во-вторых, если человек воспринимает объект как нечто живое, вовлеченное в контакт с ним, то этот объект становится мифологизированным, приобретая особенную, уникальную одушевленность. Из этого, в свою очередь, следует, что человек и миф существуют в постоянной связи, в постоянном взаимодействии. Иными словами, не только человек создает миф, но и миф сам влияет на человека: «Сколько бы меня ни убеждали, что это только *мне* одному, в силу *моих* субъективных свойств, моя низкая и темная антресольная комната кажется веселой и радостной, – всё равно весела и радостна сначала *она сама*, а потом уже она производит на меня такое воздействие» [11, с. 102]. Человек мифологизирует свое пространство, а пространство, в свою очередь, имплицитно дает почву для жизни и дальнейшей мифологизации.

Ролан Барт говорит, что миф – это высказывание, слово, сообщение [2]. Порой миф представлен не только через вербальное, но и через визуальное, но, так или иначе, эти представления текстуализируются, проще говоря, становятся текстом, а человек, в свою очередь, становится героем этого текста. Мифологизируется и пространство, в том числе и город. Мишель де Серто считал, что фундаментальное отличие города-текста заключается в том, что «его “читатели” располагаются в самом тексте. Это как если бы все герои какого-то романа тоже прочли этот роман и стали руководствоваться в своих поступках предоставленной писателем информацией» [13, с. 60]. Но иногда «читатели» этого текста не вполне осознают свои поступки – пространство руководит передвижениями и действиями своих обитателей, а человек по наитию следует за этими инструкция-

ми. Это происходит потому, что пространство мифологизируется, становится антропоморфным, магическим и провоцирует человека на те или иные действия. Важно сказать, что пространство мифологизируется непрерывно, и смыслы, возникая, наслаиваются на другие смыслы, существовавшие до них. Но ничто не исчезает – все эти смыслы сохраняются, остаются в составе текущего, актуального содержания. Как пишет Ольга Михайловна Фрейденберг, говоря об античном мифе, «мифологический план (речь идет о «Политике» Платона. – Н. М.) вытесняется понятиями и прогрессирует в этический и политический; но древний остаток не исчезает, а неизменно находится здесь же, в составе нового содержания; и в этом сохранении древнего варианта внутри нового – своеобразие и аромат античного произведения» [16]. Эту формулу можно применить и к мифу современному – бытовавшие прежде формы и смыслы сохраняются и прослеживаются в современной структуре мифа. Более того, старые формы и смыслы не просто пассивно присутствуют в текущих формах и смыслах – они могут получить новую жизнь, порой даже абсолютно спонтанно и неожиданно. Всё вышеупомянутое актуально и для мифа о городе.

Важно отметить, что, хоть и образ и миф города в нынешнем своем понимании формируются не сразу, уже с древних времен появляются мифы о происхождении города и его названии (урбогонические), его жизни и развитии (этиологические) и даже его гибели (эсхатологические). С течением времени эти мифы приобретают новые детали, дополнительные линии, значения и трактовки, – так, например, основание Москвы приписывается попеременно то князю Юрию Долгорукому, то сыну Александра Невского Даниилу, то внуку Ноя Мосоху, и каждая из этих легенд трансформируется с течением времени, поскольку трансформации подвергается также и сам город, и представление о нем.

Город прежде всего мыслился как оппозиция природе – человек создает город, отгораживая себя от природы стеной, организовывая пространство, воздвигая здания, создавая собственный уклад. Но оппозиция город – природа, по сути, является частным примером оппозиции природа – культура [17, с. 224]. То есть, прежде всего, город есть некий культурный центр, «облагороженный», обросший некими социальными и политическими условностями. Идея центричности является также одной из базовых идей, на которых зиждется город. Синтез восприятия города как культурного центра, организованного в противовес центру природного, и города как центра вообще формирует еще одну оппозицию: город – деревня. Эта оппозиция изначально строится на том, что деревня представляет собой природу, а город культуру, и действительно, по-своему, деревня является некой организованной структурой, созданной в лоне природы. Однако же оппозиция город – деревня имеет и другой аспект: город, как уже говорилось выше, мыслился как центр, соответственно деревня мыслился как периферия. И эта оппозиция также является одной из фундаментальных, способствующей формированию особой мифопоэтики города [14].

Оппозиция город – деревня, являющаяся частным случаем оппозиции природа – культура, также формирует еще одно противопоставление – столица и провинция. Столичность является показателем того, что город живет в ритме передовой культуры, тогда как провинция, хоть и подчинена ритму культуры, более связана с ритмами природы. Эта оппозиция особенно актуальна для русской литературы: «В русском языке под *провинцией* подразумеваются удаленные от границ, лишенные экзотики, «почвенные» топосы, символически противостоящие Петербургу и Москве, – безымянные *города N*, привычно предстающие в литературе лишенными жизни и смысла» [9], тогда как столица обычно «является не только средоточием культуры, духовности, с ней связывается представление о настоящей, гармоничной жизни вообще» [1, с. 381].

Столица – провинция не единственное основание для противопоставления городов. Географическое положение города также занимает важную позицию в формировании мифа о городе. Так, города образуются в разных сторонах света – южные и северные, западные и восточные города. Например, европейская культура формирует специфический миф «Восточный город». Гегель отмечал, что «на Востоке нет ничего твердого; сколь неопределенна субстанция восточных людей, столь же неопределенным, свободным и независимым может быть также их характер» [5, с. 146], и эта цитата достаточно ярко иллюстрирует суть мифа о Восточном городе. Восточный город – город шокирующих контрастов, которые органично переплетаются друг с другом. Но важнее всего то, что восточный город – город, где возможно всё, где волшебство – нечто само собой разумеющееся, где красота и ужас – две стороны одной и той же медали. «Здесь возможно всё» – именно таким «Восточный город» вошел в культурное воображение Запада. Как Синдбад странствует в поисках чудес, так читатель проникает в Багдад или Самарру в поиске свидетельств убывающей эпохи, артефактов Джахилии – домусульманского состояния пребывания в язычестве, мире магии и чудес» [18]. Восточный «город чудес» впоследствии находит свое отражение в образе города-порта/южного города – ввиду своего положения, и эти функции города наиболее открыты взаимодействию с другими культурами.

Ландшафт, в котором город располагается, также является важным элементом в формировании классификации городов. Города строятся у моря, на суше, в устьях рек или на горах. С. П. Гурин противопоставляет города, построенные на горах и на равнине, обозначая следующее: «Если город строится на холмах (Рим, Москва), то образ мировой горы задает вертикаль, связь неба и земли. Если город расположен на равнине, эту символическую функцию выполняют горы рукотворные: башни, храмы, соборы. Кроме того, город задает инвариант вертикальной структуры на плоскости (сакральный центр, стены, периферия, границы). Структура города выражает структуру священного пространства, всегда задается сакральный Центр (Алтарь, Храм) и проводятся концентрические окружности (стены города, границы страны)» [8, с. 10]. Иногда город находится на горе, но более важным становится то, что находится в горе, как это происходит, например, с Екатеринбургом.

Продолжая тему пространственности города, следует обратиться к исследованиям Ю. М. Лотмана и его коллег, которые делят города на эксцентрические и концентрические: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”. Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря» [12, с. 10]. В данной цитате также можно увидеть противопоставление естественности и искусственности городов. Российские исследователи, актуализируя эту антитезу обычно четко подразумевали оппозицию Петербург – Москва, однако при характеристике других городов более важным кажется то, как те или иные страны осваивали пространство и как с пространст-

венной точки зрения переносились столицы. Так, например, Бразилия осваивает пространство с периферии к центру: португальцы колонизируют Бразилию и формируют столицу – Рио-де-Жанейро. Но сами бразильцы меняют положение вещей и создают собственную столицу в лице Бразилиа, находящегося в центре страны. Город, условно говоря, искусственный, так как формируется не в результате естественного освоения территории, а в результате «насильственного» создания там поселения. Анкара также является искусственным городом, созданным человеком в качестве нового поселения, но, в отличие от Бразилиа, история его насчитывает около 10 веков. Однако с падением Османской империи близкая к центру Анкара становится столицей, тогда как «периферийный» Стамбул свой столичный статус теряет. В России же ситуация диаметрально противоположна – Петербург является искусственным городом, созданным, чтобы дать «новый курс» стране. Столичная прежде Москва, центральный город страны, уступает бразды правления выстроенному на периферии Петербургу.

Как уже говорилось ранее, практически каждый город имеет мифы о своем происхождении, жизни, а иногда и гибели. Но стоит также учитывать, что постепенно, развиваясь, город «обрастает» всё новыми мифами. Городская мифология имеет два уровня: первый можно назвать «низшим» – в нем содержатся локальные мифы, то есть те мифы, которые формирует город сам по себе и сам о себе, «высший» же уровень воплощен литературными текстами, которые, в свою очередь, включают в себя как мифы, связанные с конкретными городами, так и универсальную мифологию городов в целом.

Универсальные мифы о городах являются базисом многих классификаций. Так, например, город связывается с представлением о рае или аде. Город-рай – город-защитник, город, который основывается на высших человеческих ценностях, в котором сосредоточены все культурные и социальные связи. «Город противостоит внешним стихийным силам природы и пытается привнести внутреннюю гармонию в отношения человека и природы, он может превратиться в городсад. Город защищает от врагов и открыт для друзей. Город находится на земле, расплзается в разные стороны, но всегда устремлен вверх, поднимается на холмы, возвышается высотными домами, как будто желая стать Небесным Иерусалимом», – пишет Гурин [8, с. 11]. Однако Гурин также отмечает, что первый город (Енох) был заложен Каином, в городе царят хаос и зло, в него стекается нечистый люд, такой город тонет в болезнях и пороке. Город может быть греховным, ужасным, отвратительным, т. е. может быть адом. Зачастую городом-адом мыслится Вавилон, а его антитезой, городом-раем – Иерусалим.

Оппозиция Иерусалим – Вавилон является также важной в следующей классификации городов, авторство которой принадлежит В. Н. Топорову, – делению городов на города-девы и города-блудницы. Образ первых восходит к уже упомянутому Иерусалиму, образ вторых – к Вавилону: «С появлением города человек вступил в новый способ существования, который, исходя из прежних представлений и мерок, не мог не казаться парадоксальным и фантастическим: выживание и, более того, перспектива пути к максимальному благу, к обретению нового рая, заменой которого в “нерайских” условиях и был город, отныне были связаны с незащищенностью, неуверенностью, падшестью, в известном смысле – богооставленностью и, наконец, с трудом-страданием» [19, с. 121]. Отсюда возможность движения в двух направлениях при оценивании города, прошедшего определенный путь становления. «Сознанию вчерашних скотоводов и земледельцев преподносятся два образа города, два полюса возможного развития этой идеи – город проклятый, падший и развращенный, город над бездной и город-бездна, ожидающий небесных кар, и город преображенный и прославленный, новый град, спустившийся с неба на землю» [19, с. 122].

Образ города-женщины, в свою очередь, восходит к образу Матери-Земли, образу, встречающемуся во многих мифологических традициях – от ведической до ветхозаветной. Город часто воспринимается как мать, потому что мать, по сути, это женщина, реализовавшая свою основную функцию – деторождение (вспомните знаменитую формулу «Киев – мать городов русских»). Однако материнская фигура амбивалентна: с одной стороны, мать дает жизнь, возвращает, защищает, но, когда настает час, она меняет заботу на воинственность, требует защиты в ответ, а также жаждет жертв и крови. Подобная амбивалентность подчеркивается, к примеру, в образе волгоградской «Родины-матери».

Амбивалентность также может предстать и в другом смысле, гендерном, – тот же Киев, противопоставленный Москве, например, предстает батюшкой.

Города могут классифицироваться по гендерному принципу, о чем пишет в своей книге «Сверхтексты в русской литературе» Н. Е. Меднис. В качестве иллюстрации она приводит такие города, как Петербург и Венеция, ставя их в оппозицию. Петербург выступает мужчиной, а Венеция – женщиной: «О мужской в основе своей природе Петербурга говорит многое. Сам акт его рождения фактически и мистически связан с мужскими волевыми проявлениями, что подхватывает, утверждает и развивает затем русская литература. В противоположность этому сюжет рождения Венеции из вод, многократно воспроизведенный в художественных произведениях, и само пребывание ее в водах как соприродной ей среде ясно указывают на преобладание в ней женского. Закономерным в этом контексте представляется тот факт, что воды, враждующие с Петербургом, живут с Венецией в любовной близости, в результате чего два города оказываются отмечены противонаправленными тенденциями с доминированием эсхатологического мифа для Петербурга и креативного для Венеции». Это, несомненно, связано с противоположностью исходных начал, о которых Ю. М. Лотман писал следующее: «Петербургский камень – камень на воде, на болоте, камень без опоры, не “мирозданию современный”, а положенный человеком. В “петербургской картине” вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и победит его, камень же наделен временностью и призрачностью» [12].

Бытовая деятельность города также накладывает свой отпечаток на формирование мифа о городе. Это и город-порт, о котором мы вскользь упоминали ранее, чья жизнь представляет собой калейдоскоп разных культур и причудливых событий, город, где возможно всё, и столица (в том числе не фактическая, а культурная), и город-развлечение (например, Лас-Вегас), и криминальный город (как, например, Чикаго в Америке или Ростов-на-Дону в России). Разные города в разное время могут выполнять разные функции, более того, разные места в городе тоже мифологизируются и мистифицируются, как, например, после появления романа Булгакова «Мастер и Маргарита» мистифицировались Патриаршие пруды в Москве. Но, несмотря на то что город (и отдельные места города тоже) может менять свои личины, мимикрируя под тот или иной смысл, часто бывает так, что бытовая деятельность города сохраняется и, соответственно, сохраняется и образ города. Так, к примеру, нередко бывает с индустриальными городами. В индустриальном городе жизнь строится вокруг заводов и фабрик, вокруг напряженной работы, приносящей как тяготы, так и удовольствия. Образ индустриального города может быть как позитивным, так и негативным: «Традиционно негативная форма идеала преобладает, так как взрывной рост производства неблагоприятно сказывается на условиях жизни людей, прежде всего – на экологии, на качестве городской среды. Позитивная форма идеала основывается на том, что развитие науки и техники приводит к повышению уровня и комфорта жизни в целом. В обеих версиях идеала важным различающим критерием позитивной и негативной оценки выступает именно качество городской среды» [6]. Так, например, в Омске вопло-

тился позитивный вариант идеала индустриального города, «поскольку именно в шестидесятые годы прошлого века достаточно сильная городская власть смогла разного рода мерами принудить сферу производства к облагораживанию городской среды» [6], тогда как Челябинск – носитель негативной стороны идеала индустриального города [21].

В противовес индустриальному городу в XX веке появляется концепция города-сада, авторство которой принадлежит Эбенизеру Говарду. Город-сад, идеальный город, соединяющий в себе всё лучшее от города и природы – функциональность и высокую экологию, возможность развития и спокойствие, индустриальность и красоту. К сожалению, абсолютной реализации идей Говарда достичь не удалось, однако образ оказался настолько ярким и сильным, что положил начало новой линии градостроения. Также, благодаря концепции Говарда, появляется тип «компактного города», города, в котором существует всё необходимое для комфортной жизни городского человека, но нет нужды пользоваться транспортом, поскольку всё находится в шаговой доступности.

В заключение хочется сказать, что типология городов, представленная в данном исследовании, не является полной, поскольку интерес к данной теме не угасает, ведь миф о городе динамичен, он обрастает всё новыми и новыми смыслами, наименованиями, деталями. Так, например, мифологизируются отдельные части города, районы и здания, старые и новые. Мифы о городе зависят и от мифа того региона, в котором они находятся (например, сибирские города, уральские города, южные города и т. д.), а мифы регионов, в свою очередь, тоже постоянно модифицируются. На формирование мифа о городе влияют и медиа, и культурные, архитектурные, политические, экономические события. Люди и история создают миф о городе, год за годом добавляя всё новые и новые слои к уже существующим. Город существует и мыслится как мифическое пространство, миф и реальность всё так же неотделимы друг от друга, как и в прежние времена, несмотря на то что существуют попытки оспорить отдельные мифы, дискредитировать какие-то отдельные убеждения, доказать, что что-то является выдумкой, неправдой, невозможностью. Но даже если эти попытки оказываются успешными, они не меняют миф – он сохраняет свою целостность и статичность, невзирая на все споры и воздействия.

Литература

- 1.Абрамова В. С. Проблема соотношения провинциального и столичного топосов в прозе А. П. Чехова 1890–1900-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 3 (1). – С. 381–387.
- 2.Барт Р. Миф сегодня. – URL: http://www.lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 16.11.2020).
- 3.Беньямин В. Улица с односторонним движением / пер. с нем. под ред. И. Болдырева. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 128 с.
- 4.Беньямин В. Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 264 с.
- 5.Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. – СПб. : Наука, 1999. – Кн. 1. – 349 с.
- 6.Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3 (17). – С. 43–56. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/gornova_g_v_43_56_3_17_2018.pdf (дата обращения: 16.11.2020).
- 7.Горнова Г. В. Философия города : монография. – М. : Форум : ИНФРА-М, 2014. – 344 с.

8. Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 2003. – С. 10–11.

9. Лаунсбери Л. «Мировая литература» и Россия / пер. с англ. О. Наумовой // Вопросы литературы. – 2014. – № 5. – С. 9–24. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/5/11-pr.html> (дата обращения: 16.11.2020).

10. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с. : ил.

11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 [1] с.

12. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Т. 2. – Таллин : Александра, 1992. – С. 9–21.

13. Марков А. Город как текст // Культиватор. – 2012. – № 4. – С. 60–65. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/k4-2012/15574-gorod-kak-tekst.html> (дата обращения: 16.11.2020).

14. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. – 170 с. – URL: <http://kniga.websib.ru/chapter.htm?book=35> (дата обращения: 16.11.2020).

15. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

16. Мудрагрей Н. С. Античный миф и его роль в возникновении философии (изучая наследие Ольги Михайловны Фрейденберг) // Философские науки. – 2008. – № 11. – С. 107–121. – URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1367/1301> (дата обращения: 16.11.2020).

17. Софронова Л. Культура сквозь призму поэтики. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 832 с.

18. Степанян К. Западный миф о восточном городе: что за ним скрывается? // Пространство. – URL: <https://www.prostranstvo.media/zapadnyu-mif-o-vostochnom-gorode-cto-za-nim-skrывaetsya/> (дата обращения: 16.11.2020).

19. Топоров В. Н. Тексты города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1987. – С. 121–132.

20. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

21. Череднякова А. Б., Добрынина Я. С. Имидж территории и его трансформация в условиях современности (на примере г. Челябинска и Челябинской области) // Урбанистика. – 2018. – № 3. – С. 171–179. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26332 (дата обращения: 16.11.2020).

Maria Alexeevna Kalistratova,

first-year postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

City and a Myth – the Myth of the City

In the 20th century, there was renewed interest both in mythology and mythology of the city. The mythology of the city is multidimensional and dynamic. The article embraces different meanings and factors that form the myth of the genesis, development and death of these settlements; the location of the city (the landscape, parts of the world); gender ambivalence of the cities, and so on. The author provides characteristics of these meanings and factors and their classification in the article.

Keywords: city; myth; mythology; urban myth; text.